

Анатолий Пинский

МЭЙНСТРИМ

*К духовным основаниям
образования и культуры грядущего*

**Москва
1999**

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ 1. ФАКТ МЭЙНСТРИМА	3
ВВЕДЕНИЕ	3
ФАКТ МЭЙНСТРИМА	3
КОНФЕССИИ	5
НАУКА	6
ЧАСТЬ 2. ЭВОЛЮЦИЯ К МЭЙНСТРИМУ	8
ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ	8
ПРАИСТОРИЧЕСКАЯ ДУХОВНАЯ ОБЩНОСТЬ	9
РОДОВАЯ ОБЩНОСТЬ	9
ЕГИПЕТ. ТЕРРИТОРИАЛЬНО-АСТРОСОФСКИЕ ГОСУДАРСТВА	10
ИЗРАИЛЬ	13
ГРЕЦИЯ	16
РИМ	17
ЭПОХА СЫНА И ЭПОХА ДУХА	17
ЧАСТЬ 3. О РАДИКАЛЬНОЙ УЩЕРБНОСТИ РАДИКАЛЬНОГО ЭКОНОМ- ЛИБЕРАЛИЗМА И О КОНЦЕ ЭПОХИ НОМО ECONOMICS	20
ПРИЛОЖЕНИЕ: МОТЫГА, КОНВЕЙЕР, КОМПЬЮТЕР	24
Три волны	24
«Многая лета заводу!»	27
Промашка Никиты Сергеевича	28
«Будущее уже наступило»	29
Школа: Великая инкарцерация	31
Генри Форд на борту «Титаника»	32
ЗАКЛЮЧЕНИЕ. О "ГРАЖДАНСКОЙ РЕЛИГИИ"	35

Часть 1. Факт мэйнстрима

Введение

Сейчас очень много людей живет в ощущении конца столетия и тысячелетия. Порой это ощущение довольно смутно, слабо, что однако не меняет дела. Во всяком крупном историческом переломе - или повороте, если угодно - имеют место все более видимые признаки завершения того, что было в прошлом. Подобное имеет место, когда мы ощущаем: вот, на протяжении относительно длительных периодов времени в цивилизации имелись какие-то крупные, определяющие силы, которые сегодня либо сходят со сцены, либо сильно трансформируются в нечто новое. Естественно, что также могут все лучше проявляться признаки будущего, хотя они всегда менее заметны. Мы видим: вот, нечто зародилось относительно недавно, но оно набирает все большую проявленность и силу. При этом понимание, предвосхищение, «угадывание» будущего – очевидным образом более сложная проблема, чем осмысление прошлого. Хотя осмысление прошлого также не есть вещь банальная, но все-таки прошлое поставляет нам массу эмпирических данных, чего по определению нельзя сказать о будущем.

Становление и трансформация каких значительных, глобальных тенденций и сил сегодня становится все более ясной? Какие общезначимые феномены здесь проявляются?

Факт мэйнстрима

Безусловный факт - становление некоего «общечеловеческого мэйнстрима». После уроков трагического XX века, после банкротства классово-расистской концепции (в вариантах российского коммунизма и немецкого нацизма), после Холокоста и полпотовской Кампучии в мире начинает необратимо формироваться и укрепляться некий *общечеловеческий этос*. Данный этос определяет правовые системы цивилизованных стран. На нем базируются концепции прав человека, законы экономического и информационного обмена во всем мире, деловая этика. Важный пример: даже восстановленный Израиль, в этом свете, был вынужден, и слава Богу, объявить себя в 1948 году светским государством. Этос мэйнстрима комплексно задает ряд понятных и базовых норм, ценностей, отношений, далеко не всегда формализованных или кодифицированных.

В него входят 10 следующих компонентов:

- 1) ценность индивидуальной свободы;
- 2) ценность межчеловеческой и межгрупповой терпимости;
- 3) недопустимость или, даже в вынужденных ситуациях, как минимум несимпатичность насилия и агрессии;
- 4) ценность собственности и материального достатка;
- 5) уважение к труду;
- 6) уважение к жизни;
- 7) недопустимость дискриминации разного рода, идея принципиального правового равенства людей (сюда же примыкает ощущение «равноправия» - что не есть, конечно, тождественность, различных этических и культурных традиций);
- 8) почтение перед реальным альтруизмом и жертвенностью;
- 9) ощущение ценности естественного («спонтанного», «стихийного») многообразия и, соответственно, ощущение сомнительности искусственных унификаций;
- 10) переосмысление достоинства и ценности природы; «экологическая идея».

Мэйнстрим несет в себе стойкую аллергию на все идеи духовной, культурной, расовой, этнической и прочей *исключительности*, на все феномены фанатизма - и снова скажем, слава Богу! Всякий политик, претендующий на голоса избирателей в нормальной стране (мы не рассматриваем здесь особые случаи, например государств религиозно-исламских «фунди»), не может существенно отклоняться от мэйнстрима.

В задачу данного исходного рассмотрения совершенно не входит структурный или историко-генетический анализ данного этоса современного мэйнстрима. Мы убеждены, что для всякого непредвзятого ума его наличие бесспорно, а его примерный, пускай весьма диффузный, состав более или менее понятен.

Конфессии¹

Мэйнстрим вполне толерантен к ортодоксальным иудеям и теософам, к неорозенкрейцерам и православным христианам, к баптистам и адвентистам, к антропософам и хасидам. Он их ни в коем случае не отрицает, но – совершенно естественным и дружелюбным образом – локализует. Точнее, перед его лицом, по отношению к его универсальной рамке, они сами локализируются. Применительно к ним мэйнстрим говорит: «Это прекрасно и заслуживает всяческого уважения. Но, *как они сами заявляют*, то – для тех, а это – для этих». Каждая из них говорит на своем *особом языке* собственной оформленной традиции. Мэйнстрим же правомерно стремится говорить на социально-культурном эсперанто.

Человек может сказать: «Эволюционное раскрытие пятой расы происходит на переходе от Рыб к Водолею посредством слияния сутратмы и антахкараны». Это технически совершенно точное утверждение. И человек может сказать: «Может быть, важнейшей чертой современности является обретение людьми чувства благоговения перед жизнью и ощущение глубочайшего смысла, присущего всякому живому существу».

По содержанию, два приведенных суждения суть одно и то же. Но в первом случае человек *сам* локализует себя в ограниченном пространстве неотеософии середины 20 века и, в некотором роде, порывает с мэйнстримом. Он выходит из его потока и укрепляется на некоем обособленном островке. Там он может мыслить и говорить (в понятиях и на языке островка), может испытывать благородные чувства или, скажем, делать деньги. Но он – уже островитянин. Во втором случае человек остается в потоке мэйнстрима, но это достигается тоже некоторой ценой. Человек, в данном примере, не приобретает (или теряет) идентификацию с теософской традицией. Он теряет право на чувство отождествления себя с какой-либо устоявшейся в культуре обособленной группой.

Речь ни в коем случае не идет, и это надо повторять снова и снова, о каком-либо уничижительном отношении к любой из традиционных конфессий или к любой организованной форме «нетрадиционных религий» и новых духовных течений. В писаной истории человечества нет более высоких фигур, чем Будда, Иисус, Магомет, Моисей, Лао Цзы. Что можно сказать мелкого, критического, в мысленном присутствии Франциска Ассизского или Раби Акивы, Серафима Саровского или Христиана Розенкрейца, Рудольфа Штейнера или Ауробиндо Гхоша? Можно лишь набрать побольше воздуха. Да задуматься на минуту о вечном.

¹ В данном контексте почти полным синонимом будет и слово «традиции».

Но речь о другом. А именно, только об одном факте: вокруг каждой из вышеперечисленных фигур сложился свой особый, партикулярный мир – языка, оргформ и т.п., - который обособлен по отношению к остальному человечеству. Несмотря на внутренние интенции всеобщности, общечеловечности многих из этих духовных течений, никому из них не удалось (и не могло удастся, добавим ретроспективно, ибо вопрос не в основаниях, а в их окружении) стать мировоззрением мэйнстрима. Прошло уже 70 лет, как Кришнамурти заявил о невозможности подлинного поиска истины в рамках «организованной религии», равно как и о том, что всякая внутригрупповая сплотка оборотной своей стороной имеет внешнюю конфликтность и дисгармонию, по отношению к иным групповым идентичностям.

Мэйнстрим же неуклонно интересуется тем, что релевантно всякому человеку и человечеству в целом. Для мэйнстрима Единое Человечество – факт, не требующий доказательств и препирательств. В вопросе *общего* образования – для современности и будущего – именно этот фактор является определяющим.

Наука

Наука Нового времени, в своей основе и в своих развитых формах, шла существенно иным путем, чем партикулярные конфессии и организованные духовные (религиозные) течения. Она прекрасно отвечает универсальному характеру мэйнстрима, она даже пыталась полностью определить собою мэйнстрим в 19-ом и в первой половине 20-го веков. Но эта попытка не удалась. Проблема обнаружилась в другом.

Если конфессионализм (= традиционализм) обнаружил перед лицом мэйнстрима кардинальный недостаток «широты», то наука сегодня расписывается в симметричном и столь же кардинальном недостатке «глубины». Человек спрашивает все более настойчиво: «Что есть моя душа?» О нарастающей силе такового вопрошания свидетельствует и беспрецедентное становление психологии на протяжении всего XX века, и тяга к опыту испытания особых душевных состояний (чему и наркомания обязана своим огромным всплеском). Но классическая общепринятая наука не смогла дать удовлетворительный ответ на этот вопрос. И не сможет – ибо она материалистична.

«Что есть смерть?», «Есть ли Бог?», «В чем смысл жизни?» - на эти вопросы материалистическая наука не может дать ответ. Но это суть абсолютно универсальные вопросы, все больше присущие сегодня человеку. Ибо человек не материалистичен. И, все больше, это становится вопросами мэйнстрима в целом. Мэйнстрим чувствует невозможным объявить здесь мировоззренческую капитуляцию.

Мэйнстрим начинает понимать: любое общее образование, лишенное ориентации на предельные смысловые проблемы, на высшие ценности и смысл бытия – ущербно. Сто и даже пятьдесят лет назад это еще было не так. Классическая наука и основанная на ней парадигма образования пытались в полной мере взять на себя универсальные мировоззренческие обязательства. Сегодня они вынуждены объявить – перед лицом мэйнстрима – «мировоззренческий дефолт». Им не удастся заплатить, в этой части, по взятым обязательствам.

И мэйнстрим тогда начинает отказывать науке в ее ранее непреложном, конститутивном признаке – во всеобщности и общеобязательности. Мэйнстрим говорит, и тоже вполне дружелюбно: «А-а, пускай... Яйцеголовые придумали эти штуки у себя в академиях. Ну, нехай там и спорят; коли они такие классные теоретики, пусть даже получают деньги; но жизни это не особо касается».

Аналогично частные конфессии, претендующие ранее на универсальность и всеобщность, вынуждены согласиться с собственным «дефолтом по универсальности».

Образно говоря, крестообразная система координат, в центре которой находится человек, споткнулась на некоторой трещине, при прочерчивании как горизонтальной, так и вертикальной оси. Декарту такое и привидеться не могло.

Смысл перелома тысячелетий – в восстановлении треснувшей системы человеческих координат. Временной интервал можно оценить величиной в несколько десятилетий, может быть, около столетия. Если проанализировать фактические тенденции в эволюции конфессионализма, науки и мэйнстрима в целом, и сделать некоторую поправку на всеобщее ускорение процессов, то выйдешь именно на такой порядок величины.

Часть 2. Эволюция к мэйнстриму

Вступительные замечания

1. В данном рассуждении мы исходим из некоторой исходной картины. А именно, мы полагаем, что имелись (и имеются): (1) относительно замкнутые человеческие общности (род, племя, страна и проч.), которые (2) всегда находятся под угрозой «энтропийного» уничтожения (от постоянно действующих сил – природы, социального хаоса и проч.) и в которых, тем не менее, (3) имелись (и имеются) некоторые силы, обеспечивающие резистентность по отношению к энтропийным волнам, обеспечивающие сохраняемость общности. Мы полагаем, далее, (4) что эту антиэнтропийную силу можно, в самом общем ее ставшем виде, именовать «культурой», и что она, в свою очередь, имеет (5) духовное происхождение и затем, после реализации духа в общности, она обеспечивает (6) язык общности и (7) ее духовную идентичность.

2. Одним из важнейших вопросов, обсуждаемым в означенных рамках, является вопрос о том, каким способом (т.е. откуда, как, через что или кого) дух входит в общность.

3. За рамками этой картины остается тема происхождения первочеловека и первообщности. Хотя, как легко будет заметить ниже, эта тема не будет полностью отрезана от нашего рассуждения, отдельные ее мотивы будут время от времени входить в него. Равным образом мы не говорим здесь о происхождении энтропийности (полезно, однако, иметь в виду то фактическое обстоятельство, что в мире людей энтропийные силы много сильнее и опаснее, чем в природе).

4. Если надо сохранять гуманитарно-академический такт и на кого-то сослаться, то можно считать, что текст во многом созвучен интуициям Ойгена Розеншток-Хюсси, у которого я, довольно недавно, удивленно и радостно обнаружил множество идей, о которых размышлял последние годы. Значительная часть этих размышлений побуждалась постоянными плодотворными дискуссиями с Владимиром Рокитянским.

Итак, мы полагаем, что имели место (и частично имеются сегодня) следующие общности. Речь пойдет вовсе не о каких-то «идеальных типах», но о вполне конкретных общностях.

Праисторическая духовная общность

По определению – ибо мы живем, собственно, в исторической эпохе – мы фактически не имеем этого этапа в наших анналах. И потому скажем здесь немного. В праисторической фазе дух спускался в общность регулярно и без затруднений. Точнее, он перманентно пребывал в ней. Духовное состояние было обычным состоянием для человека.

Редкий аналог этого мы имеем сегодня в ясных вещих снах, в великих исторических озарениях (Павел под Дамаском, Будда под деревом боддхи), во вспышках обнаружения воли судьбы, в обнаружении контакта с умершими.

Родовая общность

Дух уходит из обыденного состояния. «Бог не умер – но боги удаляются» (по-моему, Гельдерлин). Единственное лицо, которое было источником духовного для рода – это реальный основоположник рода: отец, родоначальник.

Родоначальник был бесспорно причастен духу, в этом смысле он коренился в той изначальной ситуации, в которой находились практически все люди праисторической духовной общности. Он же был и культурным героем, сумевшим принести в род те или иные дары духа. Род сумел сохранить его духовный импульс. Если нет – не о чем говорить, род исчез, фактически рода и не возникало.

Для исторически устоявшихся родов – устоявшихся против напора энтропии – главная задача состояла в обнаружении способа контакта с родоначальником, в результате чего духовный импульс последнего мог продлеваться в общности. В этом духе могли в большей мере проявляться либо собственно человеческие черты родоначальника, либо та исходная духовная сила (скажем, в образе тотемического животного), которая стояла за родоначальником.

Основоположник рода, его дух, мог прийти к людям уже не в обыденном их состоянии, а лишь в исключительном. И не через каждого человека, а лишь через особых людей, могущих войти в соответствующее состояние. Этих людей называли шаманами или как-то аналогично. Шаман мог войти в состояние, когда его душа уступала родоначальнику место – место в его, шамана, физическом теле. Конечно, это было великой жертвой, периодически приносимой шаманом во имя поддержания духовной и физической жизни рода.

Язык все время поддерживался теми священными словами, которые звучали во время контакта – осевого контакта, ибо вся жизнь общности вращалась вокруг этой ситуации контакта.

Это было время великой любви, ибо родоначальник (родоначальница) любил(а) оставшихся на земле – точно так же и буквально так же, как отец (мать) любит своих детей; и это же время было временем великой благодарности – благодарности детей по отношению к родителю, который и после смерти продолжает поддерживать их жизнь. В этом чувстве коренятся идеалы Конфуция о том, что самое важное для человека – это почитание родителей, все остальное либо полная ерунда, либо само приложится.

И это же было временем великого страха – ибо жизнь поддерживалась кем-то, кто пребывал в мире умерших, кто наблюдал за нами из мира умерших, кто то и дело приходил в жизнь, неся за собой соответствующий шлейф и субстанцию из мира умерших. Никогда, вероятно, так близко для живых не соседствовали любовь и смерть.

И дух все время приходил из прошлого.

Египет. Территориально-астрософские государства

В силу некоторых причин, каковые ниже нами обсуждаются довольно вскользь, связь с духом рода ослабляется или оказывается недостаточной перед лицом новых проблем (и тогда общность вынуждена искать некий ее заменитель). Либо появляется новая форма прихода духовного в общность (и тогда контакт с родоначальником перестает быть для нее единственным духовно действующим фактором).

Родовая общность была по преимуществу кочевой. Дух общности, в принципе, мог говорить через шамана, где угодно, в любом местоположении человеческого коллектива, на любых местах его стоянок. Границы кочевания полагались, во-первых, природно-физическими факторами. Во-вторых, общность не могла удаляться слишком далеко от могил предков.

Здесь полезно привлечь внимание еще к одному важному биосоциальному фактору. Духовная, языковая, культурная идентичность замкнутой родовой общности является, казалось бы, самодостаточной. Однако обнаруживается еще одна, совершенно особая энтропийная опасность – генетическое вырождение. Это, кстати, есть одна из первых реальных иллюстраций общего правила – всякая духовная исключительность оказывается, раньше или позже, в дисгармонии с жизнью.

В родовой замкнутой общности (все члены которой суть дети и внуки одного реального предка), правда, духом рода был уже положен запрет на инцест, на близкородственные браки. Но и посредством одних дальнородственных браков опасности «застоя крови» в роде устранять не удавалось. Род должен был либо выродиться, либо получить свежую кровь. Это и осуществлялось – либо покупкой чужеплеменных невест, либо по методу «похищения сабинянок», либо еще как-то.

Возникает существеннейшая проблема брака с чужаками, - с теми людьми, которые вышли из чресел иного родоначальника, выросли под его сенью, которые имели другие священные слова и говорили на других языках. Даже драма Тевье-молочника, чья третья дочь Хава надумала выйти за русского парня Федьку, дает лишь отдаленное представление о колоссальности всей этой проблематики.

Члены первоначального рода были, повторяем, просто детьми и внуками одного отца; «мы – одной крови, ты и я». И вот, теперь вставал жуткий вопрос: чья кровь течет в жилах ребенка, родившегося от брака с чужаком или с чужачкой? Какой голос и каким языком может заговорить через эту кровь? Не захочет ли впоследствии, выросши, это дитя понять тайну своего происхождения?

Леонид Абалкин в «Жуке в муравейнике» Стругацких был бесспорно отличным человеком, но он захотел узнать свою личную тайну, тайну своего рождения, и Бромберг не нашел никакого иного выхода, кроме как застрелить его. И их обоих можно понять. Как им жить вместе? Биологическое укрепление рода вдруг приводит к грозной опасности взрыва социального хаоса.

И тогда отыскивается новый путь. Духовное обнаруживает себя уже не в родоначальнике, не в его вечной и самотождественной человеческой фигуре, а в природе. Что в природе в наибольшей мере обладает признаками упорядоченности, самотождественности, постоянства? Что видится как единое для множества людей, проживающих на некоторой территории (на территории, уже сильно расширившейся за счет растущего массива межродовых браков)? Это не река, не гора, не животное, не роща; ничего такого – натурального, видимого – на земле не найдешь. Это небо. Но не пустое синее небо, и не дневное небо с хаотично сменяющимися облаками – это ночное звездное небо. Разумеется, есть еще непреложный суточный и годичный ритм Солнца на небе. Обнаружение духовного начала в этом небе, мудрости звезд, которая теперь должна стать духовным регулятивом жизни расширенного человеческого сообщества – это астрософия.

Следующая за родом человеческая общность – государство – обладает духовной астрософской («астрологической») основой. «Знаешь ли ты, о Асклепий, что Египет – это символ Неба, что на земле отражает он всю систему небесных явлений?» (Гермес Трисмегист)

Также государство мягко интегрирует в себе разные прежние родовые божества, возникают перво-пантеоны – синклит божественных существ с обликами различных людей-животных. В сонме божеств появляется иерархия. Но высшая мудрость идет с неба, она обеспечивает единство государственного языка, единство культа. И единство территории. О последнем обстоятельстве говорит известный нам из школьных учебников 5-го класса вид фараоновой короны, объединяющей Верхний и Нижний Кемт.

Формула единства общности меняется. Вместо «ты и я – одной крови», появляется «ты и я – из одной земли». Эта земля лежит под «одним небом» (для древнего Китая духовно и культурно идентичное государство – это Поднебесная), а потому она подчиняется одному духовному номосу. Оседлость сменяет кочевничество.

Фигура шамана сменяется на того, кто умеет воспринимать и понимать звездную мудрость, то есть на жреца. Фараон, между тем, - как местоблюститель общего отца, - по смерти своей бальзамируется. Умершие еще сильно присутствуют в текущей жизни, но они уже не являются главными ее определителями. Контакт с умершими переходит в культ умерших.

Компромисс здесь между днем сегодняшним и вчерашним – это, соответственно, компромисс между жрецом и фараоном. Фараон, по определению, один – как может быть только один родоначальник у семьи. Жрецов несколько, или даже много, – ибо мудрость, как ни крути, не приватизируется на одного собственника.

Силы хаоса, которыми чревато смешение разнородовых генофондов, усмирены. Общность-государство, построенное по такой парадигме, - вечно, ровно в том же плане, как вечно движение звезд. Время становится циклическим.

Для нормального тогдашнего египтянина дикие кочевники-гиксосы и им подобные были просто недобитками из прошлого. На стороне египтянина был, вроде бы, окончательный аргумент: звездное небо. «Раньше или позже, - думал египтянин, - эти дикари прекратят свои шаманские радения и взглянут на небо. И тогда все встанет на свои места».

Все вышесказанное вполне применимо и к тогдашней Вавилонии и к другим территориальным государствам и империям.

Израиль

Строго говоря, не было никаких внешних оснований, могущих поколебать вечность Египта и аналогичных астро-территориальных государств. Даже весь позднейший технологический прогресс, вплоть до Intel-Inside, мог бы отчасти уложиться в их рамки, и/или отчасти просто не реализоваться (рамки не позволили бы). Фукуямовский конец истории вполне мог наступить, чтобы никогда затем уже не завершаться, около четырех-пяти тысячелетий тому назад. Тот факт, что Египет был не один, что подобных государств – на общем фоне родовых кочевых сообществ – было много, ничего не меняет в принципе вещей. Либо Египет как-либо сосуществовал бы с Шумером, Китайской Поднебесной и т.п., - как то худо-бедно происходит и сейчас, - либо они даже объединились бы в какую-либо пристойную Лигу Наций или Бильдербергский Клуб, в котором по очереди председательствовали бы Хаммурапи, Фо-Си и Рамзес. Но по-прежнему бы небо, звезды, Солнце, Луна, ритмы года, разливы Нила, Хуанхэ, Волги и Миссури – то есть Вечное-в-Природе – определяло бы культуру и духовность людских сообществ. Если бы... Если бы не произошел некий Прорыв.

И Прорыв произошел. Это случилось, по различным оценкам, где-то 35-40 веков назад.

Терах (Фарра) был одним из потомков Сима, первого сына Ноя. Он жил в космополитическом городе Уре, располагавшемся в имперской Вавилонии, которая за несколько веков до этого была объединена великим Хаммурапи. У него был сын Авраам; жену Авраама звали Сара, и еще с ними жил племянник Авраама Лот, внук Тераха.

По неизвестной причине Терах покинул Ур, перейдя реку Евфрат. С этим событием связано первое появление в Библии слова «еврей». «Еврей» значит «перешедший реку». Большая река есть естественная, природная граница для государства. Вплоть до сегодняшнего дня в человеке живет ощущение: вот, на нашем берегу реки – город, знакомые лавки, кузни, дороги; а за рекой, на том берегу – топкие луга, леса в дымке, что-то необжитое, уходящее к горизонту. «Еврей» может означать: «тот, кто вышел за границу обжитой ойкумены и ушел непонятно куда и непонятно почему». Другой обертон слова «перешедший реку» может состоять в указании на выход за границы парадигмы территориального государства как такового.

Единственное, что известно из Библии на предмет ухода Тераха из Ура – это первоначальная цель его миграции. Терах хотел прийти в Ханаан. Он шел на северо-запад. Но в результате, пройдя около тысячи километров, он оказался несколько севернее и восточнее Ханаана, остановившись в Хараре (Харране), километрах в пятистах от палестинского региона, в южной части нынешней Турции. В Хараре он и скончался. На этом заканчивается одна из глав Библии.

Следующая глава сразу же начинается, без какого-либо промежуточного или вводного текста, описанием того события, которое мы выше подразумевали под словом Прорыв. Авраам, которому тогда было 75 лет, услышал Бога. – *«И сказал Бог Авраму: Уходи из страны твоей и из дома отца твоего в страну, которую Я укажу тебе»*. (Тора, с русским переводом. – «Шамир», Иерусалим, 5757; Брейшит 11-12 Ноах, глава Лех-Лема, 12. /1/). И затем еще не один раз являлся Бог Аврааму. Бог предложил Аврааму заключить с Ним союз. Но, вообще-то, все это хорошо известно читателю.

Однако, на несколько вещей в этих событиях возникновения и становления Израиля мы хотим обратить особое внимание.

- Бог Израиля в конечном итоге отверг необходимость жертвы Исаака (хотя Авраам был готов принести ее, несмотря на то, что ужас первоначального требования о жертве Исаака был поистине неизмерим, – даже Киркегор и Бродский не смогли описать его исчерпывающе. Сила того переживания Авраама, когда сначала он уже занес нож над связанным сыном и когда в тот же момент явился Ангел, сказавший, что этого Богу уже более не требуется, - продолжала и продолжает действовать в десятках и сотнях поколений. Духовные события такого колоссального масштаба определяют атмосферу народов и человечества на протяжении тысячелетий).

- Бог Израиля был выше всего родового и всего природного. Он был невидим, неизображаем и, строго говоря, неназываем.

- Бог Израиля установил субботу. Тем самым в потоке времени возникла точка абсолютного разрыва, освобождающая мир от всего содержания, возникшего за предшествующие 6 дней. Аналогично, непрерывность годовых циклов была столь же абсолютным образом разорвана Йом-Кипуром. Появилось реальное основание для понимания того духовно-вселенского факта, что «мир всегда нов». С этим связано следующее важнейшее обстоятельство, а именно:

- Бог Израиля творит из ничего, и Он творит постоянно. Для Израиля несуразной была бы мысль, будто Бог когда-то сотворил мир, а затем куда-то навсегда удалился. Чувство постоянного Божьего Присутствия никогда не покидало древний Израиль. (*Примечание.* Мы полагаем, и на то есть соответствующие гипотезы в филологических штудиях последних десятилетий, что есть возможность – или необходимость – следующим образом интерпретировать первый стих Книги Бытия: «*В начале Бог начал творить небо и землю*». Ср. с цитированным выше русским переводом Брейшит: «*В начале сотворения Всесильным неба и земли...*»).

Итак, Израиль – в лице сначала Авраама, а затем Моисея – совершил Прорыв. Конец истории, почти что намеченный в лице Египта и Вавилонии, то есть в образе территориального государства, сам тогда и закончился. Мир приобрел для человека новое высшее – и надприродное – измерение. Мир приобрел линейное время. Все повторяющиеся события оказались несущественны, важным стало только то, что однократно было в прошлом и, еще важнее, то, что однократно случится в будущем. А настоящее..., ну, его можно и потерпеть. У мира появился, в качестве господствующего, духовный вектор на будущее.

Поклонение небу, звездам, Солнцу, Луне, златому тельцу, умирающему и воскресающему в ритмах космо-природы культурному герою, – все это оказалось уже не более чем идолопоклонством. Если бы Аврааму была судьба принести Исаака в жертву, он стал бы обычным родоначальником; но он был удержан для этого, и тем самым стал у истока совершенно новой духовно-человеческой общности. Если бы Моисей согласился, вместе с дрогнувшим своим окружением, поклониться тельцу, он стал бы основателем обычного тогда города-государства, вероятно вполне зажиточного (евреи были люди весьма работающие и смекалистые), вполне имевшего неплохие шансы за исторически короткое время стать очередной империей. Они оба отвергли, и не по «ценностным» или «идеологическим» соображениям, отнюдь, но потому, что встали в контакт с Богом.

Но спросим: с чем человеку теперь «сверять стрелки»? С чем ему выступать навстречу смертоносным силам энтропии? С тем, как оказалось после Авраама и Моисея, что не-видимо, не-доказуемо и не-показуемо. Потрясающая ситуация! Кто из народов, окружавших тогда горстку евреев, мог это акцептировать? Никто. Но это мало смущало патриархов и их потомков.

Греция

Прошлое, из которого приходит к семье ее прадеды; вечное настоящее, неизменными ритмами светил определяющее устройство жизни вечной страны; невидимый Бог, который совершит суд над своим народом в будущем, послав ему в будущем Машиаха, - все модусы времени, вроде, исчерпаны. Да, если говорить о «настоящем» (в смысле – подлинном, реальном) времени, то исчерпаны. Но Древняя Греция вдобавок к ним изобретает нечто совершенно особое – а именно время, которое не является ни прошлым, ни настоящим, ни будущим. Она изобретает *scholē*, досуг.

Из этого нового пространства-времени рождаются совершенно новые вещи – игра и идея. Только в не-настоящем пространстве-времени можно играть. Нельзя играть с умершим, но периодически приходящим родооснователем. Нельзя играть с духом Солнца, с духами звездных светил. Нельзя играть с Машиахом, ожидающим тебя в будущем. Это, мягко говоря, чревато.

Да и в обычной повседневной жизни, которая определяется предком, звездами или Свитком Торы, которая при этом же постоянно несет в себе энтропийные силы, опасность, риск (в первую очередь – риск смерти), играть, то-есть действовать «не по-настоящему», - просто опасно. Можно промахнуться на охоте, потерять урожай, попасть в кораблекрушение, оказаться под крышей рухнувшего дома, потерпеть поражение в схватке, накликать болезнь. Расставлять в словах кавычки, в устной речи или письменно, - тоже невозможно. Тебя не так поймут – люди, духи, Бог – и это тоже чревато.

Древние греки открыли или изобрели сектор мироздания, в котором можно расставлять кавычки, в котором можно вести себя несерьезно и оставаться безнаказанным. В этом секторе можно абстрагироваться от своего конкретного места в жизни, от конкретных обстоятельств своей жизни, - то есть можно быть *абстрактным*. Делая аллюзию на Паскаля, можно уверенно сказать – только в рамках *scholē* Бог Авраама, Исаака и Иакова превращается в *идею Бога*, в нечто «божественное». Абстрактное мышление и идеи появляются здесь. Через много-много веков Гегель, Ильенков, Щедровицкий, как и тысячи других, будет писать об «идеальном», пытаясь придать ему высший статус бытия, - разумеется, без большого успеха.

Только в *scholē* возможно появление знаменитого немецкого *als ob*, “как если бы”. В реальной жизни никаких “как если бы” не было и быть не могло. Самое распространенное сегодня в России словечко - “как бы” – коренится именно здесь.

Рассуждая сегодня об укреплении связи школы с реальной жизнью, — вполне в духе реформы тов. Черненко, — забывают о том, что по своему главнейшему, порождающему принципу школа сугубо *не есть* реальная жизнь.

Тем не менее, факт остается фактом — в Древней Греции родились игра, досуг-schole и абстрактное мышление. И в ней впервые была совершена грандиозная попытка — устроить жизнь сообщества не на основе контакта с живой духовной силой (с духовными силами), а на основе абстрактной мысли. Древний Рим довел до полноты и до всеобщей практики этот принцип — принцип формального права.

Рим

Общности всех четырех видов встретились, будучи помещенными в единые внешние рамки Римской Империи. Родовые общности, Египет и подобные ему астрософские государства, Израиль, Греция — все оказались рядом, в охватывающих границах римского лимеса. Это было внешнее соседство, и история тогда попыталась решить свою фундаментальную и, по сути, главную задачу: привести человечество к единству.

Если бы разные древние племена могли в своих камланиях и родовых интуициях реально восходить к контакту с единым предком, если бы сила духовно-научного постижения природы и вечного в ней (светил на небе) оказалась бы достаточно сильна для преодоления разностности локальных культур, если бы Единый Бог открыл себя не только для одного народа, если бы обретенные в Греции силы абстрактной мысли оказались бы достаточны для гармонизации человеческих страстей и межнациональных конфликтов, если бы каким-либо непостижимым образом одна из этих сил смогла бы привести человечество к ситуации единого языка и ощущения единого родства — единство человечества, мир в душах, обретение индивидуальной и социальной истины были бы достигнуты.

Ко времени Цезарей это было еще не возможным. Историческая эволюция тогда совершила попытку интеграции человечества *политическими и правовыми* средствами.

Попытка оказалась не вполне успешной. По дороге, однако, были обреты важнейшие вещи — идея и опыт политического единства (тогда она выступила в форме империи), интегрирующего языка (латынь) и правового конституирования. Но проблема была не решена на духовном уровне. Разные культуры оказались взаимонепроницаемы.

И тогда возникло христианство.

Эпоха Сына и эпоха Духа

Эпоха Сына также попыталась решить основную задачу истории – единое человечество (в коем нет ни эллина, ни иудея), единый Отец, единый Богочеловек, единая Церковь.

И на этом пути также не было достигнуто окончательного успеха, хотя точно так же “по дороге” за пару тысячелетий было обретено несколько важнейших вещей.

И тогда – незаметно, без какого-либо видимого исходного события, без единой централизующей внешней институции, но силою тысяч и миллионов разноместных и разновременных событий – начался Мэйнстрим. Эпоха Сына открыла пространство и всю Землю для эпохи Духа.

В эпоху Отца вся истина была едина по своему истоку, но невидима в мире проявлений. В эпоху Сына вся истина была сконцентрирована на внешнем плане – в одном лице, в одной точке. В эпоху Духа она рассредоточена во множестве лиц и точек, ибо принципиально, что Дух дышит где хочет.

В эпоху Сына человек мог – более того, был принуждаем к тому – найти истину в единой форме, в Церкви. Единственное “кредо”, единственное учение, единственный концепт мира – все это человек усваивал извне: от родителей, от священников, из Главной Книги. Иного было не дано. Само словосочетание “единоспасающая истина” стало само собой разумеющимся. В эпоху Духа все – постепенно и кардинально – меняется.

Ты уже не сможешь найти во внешней жизни, - в науке, в ставшей конфессии, в сформулированной доктрине, в культуре – того, что будет обладать, для тебя же самого, исчерпывающими атрибутами истины. Культура не сможет принести тебе некое единственное и исчерпывающее “мировоззрение”. Но культура будет предлагать тебе богатейший материал, на основе которого ты сам сможешь сформировать свое, индивидуально выработанное “мировоззрение”.

Ты не найдешь, роясь по библиотекам, “окончательной книги”, - но ты увидишь, что во всякой книге и во всем мире как в “Библиотеке Духа” можно прочесть нечто интересное и важное. Но оно не войдет в тебя, если ты будешь пассивным, для его обнаружения тебе придется потрудиться, – много или чуток, в каждом случае по-разному, - тебе придется приложить усилие и умение индивидуальной интерпретации.

Но будет ли все это оставаться лишь несвязной пестротой? – Отнюдь. Человек будет приводить это к внутреннему единству и внутренней гармонии, но – каждый человек по-своему и каждый раз заново. Но не умножится ли тогда эта пестрота вещей просто на столь же несвязную людскую пестроту? Отнюдь. Ибо единство Духа является залогом принципиального единства мира. Для сынов Ноя завет – в радуге. Но бесконечность цветов и оттенков радуги первоначально истекла из единого Света.

Единство невидимого Отца сначала трансформируется для людей в видимое единство Сына, а затем – в невидимо-видимое единство Духа, который везде и нигде. В каждой капле росы и пива будет жить для человека Дух, но он не будет виден только для физических глаз, если к внешнему зрению человек не присоединит из внутреннего души исходящую индивидуальную силу, которая, в свою очередь, тоже невидима, но реальна.

Ты обратишься к какой-либо вышестоящей инстанции (например, к правительству, Академии наук или в ЖЭК) и скажешь: “Меня чем-то сильно не устраивает мой дом, или моя квартира. Дайте мне, пожалуйста, некоторую совершенно правильную квартиру”. Но тебе ответят: “Пока ты был малышом, тебя просто поселяли на некоторой жилплощади, не спросив тебя. А сейчас ты уже вырос. И по опыту мы знаем, что не сможем подобрать тебе совершенно правильное для тебя жилье. И мы даем тебе совет: тебе ничего не остается, кроме как выстроить его самому. Более того – это, подозреваем, твоя метафизическая обязанность. Конечно, ты уже обогащен знаниями о домах и вообще о самом разном жилье, и это жизнь тебе предоставила ранее. Ты можешь идти по магазинам и выбирать инструменты и стройматериалы. Ты можешь, если надо (а это всегда полезно) пойти в библиотеку и почитать нечто на эту тему; точно так же – можешь проконсультироваться с самыми разными строителями и дизайнерами. Но выстроить свой дом ты должен сам, его нельзя купить или получить по наследству. Все остальное, скорее всего, через непродолжительное время перестанет тебя устраивать. И примечание: если не сумеешь или не успеешь построить – тоже ничего страшного. Потом завершишь”.

Это Мэйнстрим. И потому либерализм столь прост и столь же непобедим. Потому что либерализм – это эпоха Духа. В эпоху Отца абсурдным было бы что-то рисовать. В эпоху Сына можно и нужно было рисовать, но только нечто одно. В эпоху Духа можно рисовать что угодно, всегда есть шанс, что это окажется прекрасным.

Часть 3. О радикальной ущербности радикального эконом-либерализма и о конце эпохи *homo economics*²

В самом начале девяностых годов двадцатого столетия в России была предпринята фундаментальная попытка – на место сметаемого исторической волной тоталитарного коммунистического режима (его устранение с исторической российской сцены есть безусловно главное и, по самому большому счету, величайшее деяние уходящей президентуры) поставить прямолинейный, «лобовой» радикал-либеральный проект.

Попытка героическая, но исторически и, можно сказать, цивилизационно безнадежная. Ибо мир в целом уже поступательно начал вступать в фазу постиндустриального общества, явным образом преодолевая роковые односторонности великого классического либерализма. Патриарх западной социологической мысли Дэниэл Белл четко и ясно формулирует: *«Мы пришли к концу классического либерализма. Мерой социального блага является уже не удовлетворение индивидуальных стремлений, но выравнивание социального дисбаланса <...> как первейшее требование к социальной совести и социальной политике»*³.

Социальная политика (и образовательная, как один из центральных ее компонентов) – вот чему, по определению, нет места в рамках радикал-либерального проекта.

² Из брошюры автора «Сон образовательной политики: Ночь перед Рождеством?» – М., Объединения ЯБЛОКО, Форум «Российская школа», 1999.

³ Д.Белл. Грядущее постиндустриальное общество. – М., «Академия», 1999 (первое ориг. изд. - 1973). С. 599. Нельзя не отдать должного высокой интеллектуальной честности великих западных либералов, которые, находясь в безоговорочной идейной оппозиции к подобным положениям постлиберальных мыслителей (каковыми выступает тот же Д.Белл и др.), по крайней мере обладают мужеством последовательно и прямо доводить свою мысль до конца и до публичного выражения. Ср. у Хайека: «Наиболее разрушительным употреблением прилагательного *социальный* является используемый практически всеми оборот *социальная справедливость*», которая отождествляется Хайеком с понятием «распределительной справедливости», сводится лишь к политике «уменьшения или устранения различий в доходах» и объявляется, по сути, «способом обеспечить себе большинство на выборах», - а потому «все *социальное* следовало бы именовать *антисоциальным*» (Пагубная самонадеянность. Глава 7).

Вот пример, казалось, бы академический и побочный, но в свое время искренне поразивший автора этих строк. Возьмите две классические книги двух столпов либерализма: «Социализм» Мизеса⁴ (классический либерализм) и «Пагубная самонадеянность» Хайека⁵ (неолиберализм). Это действительно глубокие и блестящие произведения двух великих социальных философов-экономистов. Каждое из них – гениальный и неопровержимый камень на могиле идеологии тоталитаристского коммунизма (= социализма). Эти работы дают широкую и глубокую панораму глобальной экономической и культур-политической проблематики. Но ни в одной из них вы не найдете сколь-либо внятной, пусть краткой и производной, концепции или позиции по вопросам образования. Экономика, социология, классовая и государственная политика, религия, язык, право, - казалось бы, все охвачено в этом внушительном либеральном синтезе. Но что касается образования, равно как и вообще социальной политики – то ли руки не дошли, то ли места не нашлось. Однако, можно ли претендовать на целостную аналитику глобальных проблем общества, его истории и политики, просто «опуская» образование, один из самых массовых и культурно-значимых институтов общества? Вопрос риторический, и тем не менее...

Прошедшие 8 лет показали, что Россия пыталась честно, упорно «отработать» эту модель. **Но в радикал-либеральном проекте совершенно непреложным, логически-последовательным образом не нашлось места образованию.** И если в 1992 году министр финансов Барчук получил указание от и.о. премьера Гайдара «не платить никому и ничего»⁶, - во имя сохранения чистоты реализации монетаристских идеалов, - то в этом тоже была своя горькая последовательность, «логично» приведшая же к тогда возникшим и далее нарастающим массовым невыплатам зарплаты бюджетникам и среди них, в наибольших объемах по общей величине, учителям.

⁴ Л. ф. Мизес. Социализм. – М. Католаксия, 1994 (первое ориг. изд. - 1921 г.)

⁵ Ф.Хайек. Пагубная самонадеянность. – М., «Новости», 1992 (первое ориг. изд. – 1988).

⁶ Г.Явлинский. Кризис в России: Конец системы или начало пути? – М., ЭПИцентр, 1999. С. 11.

Через три недели после 17 августа 1988 г. Евгения Альбац сказала Чубайсу: «Вы, первое либеральное правительство России, сами же лишили себя своей главной социальной базы, подрубили именно носителей либеральной идеи, интеллигенцию, обрезав деньги на науку и образование». Анатолий Борисович ответил: «А вы полагали, что могло быть по-другому? Да, интеллигенция пострадала больше всех. Потому что фиксированная зарплата. Потому что у бедного государства денег на такую роскошь как наука почти нет, и на образование – тоже мало»⁷. В подобной позиции ярко и в тысячный раз виден тот безоговорочный экономический материализм наших младореформаторов, который ни на миллиметр не выходит за классическую марксистско-ленинскую материалистическую схему отношения «базис-надстройка». Воинственность же его, резкое неприятие любых общественных проектов и парадигм, сознающих сомнительность постулата о безусловной «первичности» материальной экономики по отношению к социальным и идеальным основаниям общественной и индивидуальной жизни (ценности, идеалы, справедливость, творчество, солидарность, доверие и проч.), - и по сути, и по мере полностью аналогична пресловутому «воинствующему атеизму» основоположников диалектического материализма и материалистического взгляда на историю⁸.

Уже за три года до приведенного диалога Чубайса с Альбац вышла ставшая бестселлером книга знаменитого Фрэнсиса Фукуямы «Доверие»⁹. Одна из центральных ее идей состоит в том, что экономический прогресс есть не стартовое условие жизни общества, а своего рода вознаграждение обществу за его внутреннюю социальную и культурную гармонию и, наоборот, отсутствие оной есть важнейший фактор, препятствующий хозяйственному процветанию¹⁰. Российские младореформаторы, по праву гордящиеся своим знанием иностранных языков, должны были бы, вроде, быть в курсе подобной литературы, все больше и больше задающей в последние годы основной тон в западной философии общества.

⁷ Коммерсантъ-daily, 08.09.98.

⁸ Мне даже как-то неловко здесь оговариваться, что из критики одностороннего «экономикса» для меня никак не вытекает небрежение экономической стороной общественной жизни, в том числе и школьной. Как у директора школы, основную часть моего времени уже несколько лет поглощают именно экономические дела, - что, скажем, позволяет нам, на полностью законных и прозрачных основаниях, привлекая внебюджетные средства, выплачивать учителям зарплату, примерно втрое превышающую бюджетную. Больше половины моих статей последних лет посвящены именно проблемам школьной экономики. И т.д.

⁹ F.Fukuyama. Trust. – N.Y., 1995.

¹⁰ См. также: В.Иноземцев. За десять лет: К концепции постэкономического общества. – М., «Академия», 1998. С. 511.

Однако агрессивный либерал-радикальный «экономизм» тех, кто реально делал погоду в стране в уходящем восьмилетии, не оставивший никакого реального места образовательной политике и образовательной проблематике, – в том числе и в первую очередь, в умах идеологов, управленцев высшего уровня и аналитиков, – также, в свою очередь, сходит со сцены. В этом и состоит суть нынешнего переломного периода в России. Заканчивается период, в начале которого первое лицо на вопросы людей о целях государства, об основном векторе развития страны, смогло ответить лишь одно: «Обогащайтесь!». В этом же лежит реальная предпосылка возникновения условий возможности становления реальной социальной и образовательной политики в стране.

Рынок не есть альфа и омега индивидуальной и общественной жизни. Именно гуманитарный угол зрения, постепенно пробивающийся сквозь завалы технократизма 70-х-80-х и плоского экономизма 90-х годов, позволяет нам все яснее теперь понять: «Рынкам свойственна алчность, им чуждо понятие справедливости. Рыночные механизмы при условии их правильной работы способны обеспечить самое эффективное решение тех задач, который им свойственны, однако эти задачи весьма далеки об общих целей человеческого существования. Для достижения этих, гораздо более широких целей существуют такие вещи, как политика, нравственность, религия; если мы позволим себе предположить, что эти величайшие достижения человечества могут быть подменены экономическими теориями, мы рискуем растерять наши души <...> Подобно любому оружию, экономика способна лишь помочь нам немного продвинуться вперед, но она никогда не сможет подменить собой нашу обновленную политическую жизнь, наши этические принципы, нашу духовность»¹¹.

Самоочевидно, что выраженная нами выше критическая позиция по отношению к прошедшей «восьмилетке» ни в какой мере не включает в себя каких-либо идей или ценностей возврата к прошлому – ни в общеполитическом аспекте, ни в аспекте школьного образования. О первом, то есть об идее реставрации коммунизма (= социализма), говорить вообще несерьезно. О втором же стоит заметить, что, по нашему убеждению, глубинный конфликт между установками на развитие новой школы и на реанимацию «лучшей в мире советской школы» - по сути своей не есть конфликт между «правыми» и «левыми», но напряженная альтернатива между школой будущего и уходящей школьной моделью отживающего индустриального общества¹².

¹¹ Э. ф. Вайцеккер и др. Фактор «Четыре». Доклад Римскому клубу, 1997. – В кн.: Новая постиндустриальная волна на Западе / под. ред. В. Иноземцева – М., 1999. С. 629.

¹² Ср.: «В начале 19 века в Англии первые владельцы шахт, заводов и фабрик обнаружили, что «людей, у которых подростковый период прошел в занятиях сельскохозяйственным трудом или каким-либо ремеслом, почти невозможно превратить в полезные производству рабочие руки» (запись 1835 года). Массовое обучение, построенное по фабричной модели, возникло как раз в связи с массовой индустриализацией. <...> Производство требовало людей, во-первых, с

Приложение: мотыга, конвейер, компьютер

*На наш век наложилось отпечаток настроение всеобщего разрушения и обновления. Наша жизнь пришла на то, что древние греки называли словом *kairos*, “подходящий момент”, подходящий как нельзя лучше для “метаморфозы богов”, основополагающих принципов и символов. Достаточно много уже поставлено на карту, и знает ли каждый отдельный человек, что именно он может оказаться последней каплей, перевесившей чашу весов?*

Карл Густав Юнг

Три волны

Два человека могут смотреть на одну и ту же вещь, но видеть разное, ибо каждый человек придает увиденному свое значение. Это тем более справедливо, если в качестве такой, с позволения сказать, «вещи» выступает Будущее.

Вот уже несколько десятилетий в сознании людей нарастают напряжение и борьба, во многом бессознательная, между двумя противоположными образами, двумя глубинными ощущениями Будущего. Большинство людей, особенно на Западе, если и задумываются о будущем, то предполагают, что мир, который они знают, - рыночная экономика (однако, «без перегибов»), парламентская демократия (правда, «без коррупции»), работа «с девяти до шести» и т.п., - этот мир будет вечен. Им трудно даже мысленно представить образ жизни, отличный от их собственного. Конечно, они признают, что все меняется, но полагают, что сегодняшние перемены не затронут базовые структуры привычного образа жизни. Они уверенно ожидают будущего - для них это продолжение настоящего.

проворными руками; во-вторых, безоговорочно и точно выполняющих распоряжения начальства; в-третьих, готовых работать до изнеможения на машинах или в конторах, выполняя скучные и однообразные операции. Школы индустриального общества подвергали механической обработке одно поколение молодых людей за другим, готовя из них податливую рабсилу». – О.Тоффлер. Третья волна. – М., «АСТ», 1999. С. 65-66. *(В этом контексте становится понятна центральная, внутренняя дилемма, в которой, проявляясь по самым разным ситуативным поводам и в самых разных терминах, коренится действительная природа основных современных образовательных дискуссий: консервировать или трансформировать сложившийся в прошлом и столь привычный на сегодня образ школы? - школы всем знакомой, унифицированной, построенной «по фабричной модели», направленной на формирование определенного типа личности и отвечающей реалиям 19-го – первой половины 20-го века, но никак не современности и не будущего. Однако эти вопросы, эта дилемма – школы индустриального или постиндустриального общества – не могут быть здесь основательно рассмотрены, ибо требуют совершенно иных рамок и объемов анализа. – А.П.)*

Однако события последних десятилетий все более и более расшатывают это самоуверенное представление о будущем. Все шире распространяется существенно пессимистический взгляд. Убийства в американских школах и экономические кризисы, рост терроризма и исламского фундаментализма (от Хомейни и Саддама до сегодняшних Бен-Ладена и Басаява), Косово и повсеместные взрывы национализма, - перемножающиеся на бесконечные фильмы ужасов, наркоманию и СПИД, - все это приводит многих людей к ощущению, что «у всех нас нет будущего». События Армагеддона могут повториться в любую минуту. Земля решительно движется к финальному катаклизму.

Тридцать лет тому назад один человек внятно сказал: «Оба неправы». Его звали Элвин Тоффлер. И вышло так, что его услышали.

«Даже если последующие десятилетия будут полны переворотов и беспорядков, даже если и дальше будет шириться волны насилия и деструкции, мы все-таки не уничтожим сами себя. Перемены, которые мы сейчас переживаем, приближают нас к полному изменению образа жизни, стиля работы, правил игры и самого мышления. Они не являются хаотичными или случайными, но фактически складываются в осмысленную и ясную модель».

Элвин Тоффлер (его имя Alvin в российских изданиях также переводят как «Олвин» или «Алвин») родился в 1928 году, был стипендиатом фонда "Russel Sage", профессором Корнелльского университета. Имеет почетные докторские степени по литературе, законодательству, естествознанию. Был одним из штатных экспертов правительства Рейгана по проблемам экономического развития, консультировал Министерство обороны. Получил звание Офицера Ордена искусств и литературы во Франции и был избран членом Американской Ассоциации содействия науке. Автор книг-бестселлеров «Футорошок», «Третья Волна», «Смещение власти», «Война и Антивоина», «Адаптивная корпорация». Ряд последних книг написаны им в соавторстве с женой, Хейди Тоффлер.

Представители научного истеблишмента порой демонстрировали сдержанное отношение к Тоффлеру, ставя ему в упрек то, что на деле является его силой и достоинством – простоту языка. Скажем, патриарх Дэниэл Белл как-то глухо обмолвился о нем как о «популяризаторе». Но Тоффлер никогда и не претендовал на идентификацию с яйцеголовыми, на статус кабинетного ученого. Он пишет не для «научного сообщества», а для людей. И люди его читают, в том числе и те, кого в Штатах называют «людьми серьезными».

Вот один пример. Вечером 12 апреля 1982 года в гости к супругам Тоффлерам заглянул генерал Колин Пауэлл. После комплиментов в адрес тоффлеровских книг, генерал перешел к вопросу: как, по мнению супругов, будут воевать в эпоху Третьей Волны? Завязался разговор. И в дружеской беседе за чашкой кофе родилось новое понятие – интеллектуальное оружие, - ставшее после войны в Персидском заливе основой официальной военной доктрины США на начало XXI века.

Тоффлеру, - может быть, сильнее и ярче, чем другим социальным философам, – удалось выразить важную особенность, лейтмотив новой социальной парадигмы: некое устойчивое и нарастающее ощущение того, что *мир стоит на пороге больших, невиданных перемен*. Речь идет не просто о линейной эволюции, не о постепенном развитии и улучшении завтра того, что уже есть сегодня, - но о приближении качественно нового состояния общества. 30 лет назад Тоффлер писал: *«Мы - последнее поколение старой цивилизации и первое поколение новой». «Новая цивилизация сейчас зарождается в наших жизнях. Это явление обладающее огромной взрывчатой силой, столь же глубокое, как и Первая Волна перемен, вызванная 10 000 лет назад становлением сельского хозяйства, или как потрясающая Вторая Волна перемен, связанных с промышленной революцией. Мы – дети грядущей трансформации, то есть Третьей Волны».*

Тоффлер стал всемирно известен этой своей «концепцией Трех Волн». Но дело не в одной концепции. В его словах всегда чувствуется не только и не столько научный рассудок, сколько сила чувства. Тоффлер – мэтр социальной аналитики, но аналитик он эмоциональный. И именно благодаря его ясному и одновременно страстному языку ныне у десятков миллионов людей возник огромный интерес к трудной социологической и футурологической проблематике.

«Многая лета заводу!»

Подобная страстная мысль обычно чему-то противостоит, она чем-то возмущена, с чем-то никак не хочет смириться. Мысль Тоффлера противостоит индустриализму. Тоффлер ощущает себя борцом против «цивилизации дымящих заводских труб», ее идейным могильщиком.

К середине XX века многие социальные мыслители пришли к тому, что главной чертой господствовавшего типа цивилизации является ее промышленный, индустриальный характер. Перед лицом этого глобального фактора даже радикальные различия социалистического и капиталистического общества отступали на второй план. Уже в конце 50-х годов Р.Арон писал: «Европа состоит не из двух коренным образом отличных миров: советского и западного, но представляет собой единую реальность – индустриальную цивилизацию».

Тоффлер постигал сердцевину индустриального общества не из книг. Закончив университет, он проработал пять лет на заводах Среднего Запада, - *«не клерком и не менеджером по персоналу, а работая на ручной сборке конвейера, слесарем-монтером, сварщиком, оператором штамповочного пресса. Я глотал пыль, испарения и дым литейного цеха. Я ощущал жар раскаленного металла при разливке. На моих ногах – до сих пор метки от искр сварки. За смену я перебрасывал под пресс тысячи заготовок. Я наблюдал менеджеров, задерживающих рабочих на их местах, и я видел, что за «белыми воротничками» вышестоящее начальство следило не менее жестко, чем те за рабочими. Я узнал из первых рук, как рабочие борются за то, чтобы заработать на жизнь в индустриальную эпоху».*

Несложно догадаться, что уже тогда в душе выпускника гуманитарного факультета, изучавшего Платона, Элиота и рафинированные социологические теории, зародился глухой, но мощный и радикальный протест против всей этой «индустриальной мегамашины». И когда он через несколько десятилетий сформулирует многих шокировавшую мысль – *«Работа – это архаичное понятие умирающего индустриального общества. В постиндустриальном мире не будет никакой ‘работы’»,* - в основе этой принципиальной и продуманной позиции Тоффлера будет лежать одно переживание, которое сопровождало его все годы: *«Я помогал извлекать 65-летнюю женщину из окровавленного станка, который только что оторвал ей четыре пальца на руке, и я до сих пор слышу ее крик: ‘Иисус-Мария, я больше не смогу работать!’»*

Итак, - говорит Тоффлер, - завод. *«Что ж, многая лета заводу! Но сегодня, даже когда строятся новые заводы, цивилизация, превратившая завод в храм, умирает».*

До сих пор человечество, по Тоффлеру, пережило две великие Волны перемен, каждая из которых практически упраздняла предыдущие культуры или цивилизации и создавала условия жизни, невыносимые для тех, кто жил раньше. Первая Волна перемен – это аграрная революция. Вторая Волна – становление индустриальной цивилизации. И сегодня новая цивилизация входит и нашу жизнь, но слепой человек не видит ее и всюду старается ее подавить. Безнадежно. *«Третья Волна всепроникающая, она приносит с собой новые семейные отношения, изменения в стиле работы, в любви, в жизни, новую экономику, новые политические конфликты и, кроме того, изменения в сознании. Человечество стоит перед гигантским прыжком вперед. Оно оказалось перед лицом глубочайших социальных переворотов и творческого переустройства всей эпохи. Мы неосознанно начали строительство новой цивилизации с самого ее основания. Это и есть смысл Третьей Волны. Большую часть наших личных проблем, боли и неопределенности можно прямо отнести к конфликту, происходящему внутри нас и внутри политических учреждений, к конфликту между умирающей цивилизацией Второй Волны и возникающей цивилизацией Третьей Волны, которая уже нагрянула, чтобы занять свое место».*

Главной производительной силой, центральной ценностью цивилизации Первой Волны является земля; для Второй Волны – это капитал, рабочая сила и средства производства, для Третьей Волны – знания и информация. Символ первой цивилизации – мотыга, второй – конвейер, третьей – компьютер.

Промашка Никиты Сергеевича

Когда началась (при всех условностях рассуждений о «начале» в подобной проблематике) цивилизация Третьей Волны? Очень недавно. Тоффлер считает символической датой начала новой цивилизации 1956 год.

В 1956-ом году Хрущев произнес свое знаменитое изречение: «Мы вам покажем кузькину мать!» (В английском переводе Тоффлер цитирует эту фразу в виде "Мы вас похороним", ибо прямой перевод русской речевой фигуры оказался, видимо, непосилен для американского переводчика). В этой фразе Никиты Сергеевича с гениальной краткостью выразился глобальный геополитический диагноз и прогноз: главное противостояние мира – это капитализм и социализм, главный вектор истории – в том, что социализм победит и похоронит капитализм.

Но Хрущев не попал в яблочко. Он, вероятно, не знал или не оценил того, что 1956-й – это «*первый год, когда в Соединенных Штатах "белые воротнички" и служащие численно превзошли заводских рабочих с "голубыми воротничками" – первый символический показатель исчезновения экономики дымящих труб Второй Волны и рождения новой экономики Третьей Волны*».

То, что давало о себе знать первыми ростками в конце 50-х, через двадцать лет, в 70-е, стало массовым и всеобщим фактом: в США в сфере услуг начало обращаться больше денег, чем в производственном секторе; количество работников, занятых в непосредственных производственных операциях, в развитых странах уменьшилось до 12-15%; появился компьютер; резко увеличилась скорость вхождения инноваций в широкую жизнь (если для широкого использования фотографии потребовалось около 110 лет, а для массовой телефонии – 50, то соответствующие сроки для телевидения, транзистора и интегральной микросхемы составили, соответственно, 12, 5 и 3 года); лавинообразно стала расти ценность – и цена – информации и знаний; в жизнь вошли контрацептивы и самостоятельно проводимые женщинами тесты на беременность; гигантские корпорации стали тесниться на рынке новыми малыми компаниями; резко пошли в гору новые источники энергии; начался подъем нетрадиционных форм духовной жизни.

Все это – передний фронт Третьей Волны.

«Будущее уже наступило»

Тоффлер говорит о следующих признаках становящегося постиндустриального общества Третьей Волны:

Знания становятся основой экономики, - в отличие от эпохи Второй волны, где эту роль выполняли “земля-капитал-труд”. Изменение природы стоимости, преодоление классической, в том числе и марксовой, трудовой теории стоимости. Изменение понятия стоимости корпорации и методов ее оценки (в отличие от капитала индустриального общества, где стоимость организации складывается из стоимости зданий, оборудования, товаров, “капитал” Третьей Волны по преимуществу нематериален).

Индивидуализация. - Касается всего потребления и производства. Отмирание серийного производства, массового потребления, массового унифицированного образования и т.д.

Работа. - Трансформация «труда» в творчество. Отмирание больших объемов массовой и легковоспроизводящейся деятельности, присущей экономике Второй волны; исчезновение различий между «работой» и «не-работой».

Инновационный характер жизни в целом. - “Конкурентоспособно только обновляющееся”.

Масштабы. - Разукрупнение организаций-гигантов. “Тысячи рабочих (служащих), толпящихся в 8 утра у проходной” - отмирающий образ. Вместо больших коллективов - маленькие подвижные группы и “команды”.

Организация. - Взамен пирамидальных, монолитных структур управления Второй волны ищутся и находятся ситуативные, “матричные”, “сетевые” способы управления; управление в рамках временных коллективов, центров, рабочих групп. Сохранение и повышение мобильности работающих групп с одновременным нарастанием гибкости управления.

Инфраструктура. - Наиболее инвестиционно емкое и одновременно наиболее эффективное направление трансформаций. Предполагает постоянное создание и совершенствование самых разных систем информационной связи (роль которых в экономике будущего не меньше роли дорог в промышленную эпоху). “Электронные магистрали - сердцевина экономики Третьей волны”.

Ускорение. - “Старая поговорка “время - деньги” изменяется в сторону смысла “каждый следующий час дороже предыдущего”..

При этом будущее соединяет в себе факторы невероятных ускорений - “Деньги обращаются со скоростью света, но для передачи информации эта скорость уже недостаточна” – и неторопливость, оно несет в себе черты “коттеджной культуры”, “досугового общества”. Главной ячейкой жизни (и, если угодно, «работы») людей будущего станет *электронный коттедж*.

Советская обществоведческая и политическая мысль, конечно же, проспала постиндустриальную революцию. Но, по правде говоря, что ей было делать? Она была, вольно или по принуждению, уперта в дихотомию «социализма» и «капитализма», то есть, как мы видим сегодня, вообще в какие-то химеры. Для постиндустриального общества капитализм и социализм середины XX века - суть две стороны одной и той же медали (открытый и закрыто-тоталитарный варианты индустриализма). Когда в 1993 году «Литературная газета» поздравила Тоффлера с оправданием его пророчества о крахе социалистического строя и СССР, он твердо заявил, что дело не только и, главное, не столько в этом: *“Не следует терять чувства исторической перспективы. Подлинная перемена - это закат индустриального общества. Капитализм и коммунизм были порождением промышленного общества. И если одно из этих порождений потерпело крах, почему вы пребываете в уверенности, что такой же крах не постигнет второе?”*.

Школа: Великая инкарцерация

Для Тоффлера всегда была важна тема образования. Чтобы лучше понять сеть сегодняшнего и завтрашнего дня в образовании, нужно вновь задуматься над сутью уходящей эпохи индустриализма – ибо наша школьная система плоть от плоти порождена именно ею.

Примерно два с половиной века назад для многих людей жизнь радикально изменилась. В это время появилась ньютоновская наука, паровой двигатель был впервые использован в экономических целях и в Англии, Франции и Италии начали появляться первые фабрики. Крестьяне стали переезжать в города. Начали распространяться смелые идеи: идея прогресса, доктрина личных прав, руссоистское понятие социального договора, идея отделения школы от церкви, отделения церкви от государства; вырел принцип, что высшие руководители должны выбираться обществом, а не посылаться нам волей Божьей. В России все это запоздало на сто-полтораста лет, но суть российских процессов оказалась той же.

Движущей силой многих из этих перемен был новый способ обогащения - фабричное производство. Для этого множество элементов должны были соединиться и сформировать систему массового производства, потребления и унифицированного массового образования.

«В начале 19 века в Англии первые владельцы шахт, заводов и фабрик обнаружили, что «людей, у которых подростковый период прошел в занятиях сельскохозяйственным трудом или каким-либо ремеслом, почти невозможно превратить в полезные производству рабочие руки» (запись 1835 г.). Массовое обучение, построенное по фабричной модели, возникло как раз в связи с массовой индустриализацией стран Второй волны.

*Основы чтения, письма, арифметики, немного истории и других предметов, - все это составляло «явный учебный план». Однако под ним находился «скрытый учебный план» *hidden curriculum*), много более основательный. Он состоял и все еще состоит в большинстве индустриальных стран из трех «курсов»: это обучение 1) пунктуальности, 2) послушанию и 3) навыкам механической однообразной работы. Производство требовало людей, во-первых, с проворными руками; во-вторых, безоговорочно и точно выполняющих распоряжения начальства; в-третьих, готовых работать до изнеможения на машинах или в конторах, выполняя скучные и однообразные операции.*

Всюду, куда приходила волна индустриализации, детей начинали отводить в школу во все более раннем возрасте, учебный год становился все длиннее, число лет принудительной школьной учебы возрастает. Школы Второй волны подвергали механической обработке одно поколение молодых людей за другим, готовя из них податливую рабсилу».

Тоффлер назвал конец XVIII-начало XIX века временем Великой Инкарцерации (от слова «карцер», т.е. лишение свободы), когда преступников сгоняли вместе и концентрировали в тюрьмах, душевнобольных сгоняли и концентрировали в сумасшедших домах, а рабочих концентрировали на фабриках, а детей точно так же собирали и концентрировали в школах. *«Сама идея собирания массы школьников (сырья), для воздействия на них учителей (рабочих) в централизованно устроенных школах (заводах) была порождением индустриального гения».*

Генри Форд на борту «Титаника»

Одна из важнейших черт индустриального сознания – это идея-фикс функциональной специализации. Генри Форд с гордостью писал: «Я установил, что для начатого мною в 1908 году производства новой модели автомобиля, требуется 7882 операции. Из них 949 требуют сильных, здоровых, практически совершенных в физическом отношении мужчин; для 3338 нужны обычные мужчины, большая часть оставшихся операций может выполняться женщинами или подростками, при этом 670 могут выполняться безногими мужчинами, 2637 – одноногими, 715 – однорукими, 10 – слепыми, 2 – безрукими». Аналогичная «методология» сформировала основы образовательной системы индустриального общества.

Определяется какое «сырье» (дети, их способности, исходные знания, память и проч.) поступает «на входе» в педагогический конвейер. Далее задаются требования к готовой продукции «на выходе», определяются те действия, операции, которые необходимо совершить для того, чтобы получить требуемый продукт. Затем совершенно логично утверждается, что для более эффективного и профессионального совершения этих разных операций нужны разные специалисты: один более квалифицированно сформирует знания по химии, а другой – по математике, третий будет «освобожденным воспитателем».. Определяется необходимый объем операций над материалом, раскладывается по шкалам малых и больших производственных циклов (от расписания учебной недели до учебного плана на 10-12 лет обучения), задается система текущего и итогового контроля, и т.п., - педконвейер запущен. Генри Форд был в таких случаях очень рад.

Пойдем дальше. Индустриальная эпоха жестко разделила производителя и потребителя. Тоффлер вообще рассматривает это обстоятельство как решающий внутренний признак Второй Волны. – *«Словно некоторая ценная реакция резко расщепила две стороны нашей жизни, которые до того составляли одно целое; невидимый клин был вбит между двумя половинками человеческой жизни – между производством и потреблением»*. Тоффлер справедливо пишет, что так было далеко не всегда, и так будет явно не вечно. Этот раскол на потребителя и производителя произошел даже в таких сферах, которые нерасторжимо, интимно связаны с самим существом человека – это его личное здоровье или его образование.

«Здоровье в обществах Второй волны стали рассматривать как продукт, предлагаемый врачом и покупаемый пациентом, но ни в коей мере не как результат разумной заботы пациента о себе самом (т.е. не как продукт для самого себя). Точно так же стало аксиомой, что образование «производится» учителем и «потребляется» учащимся».

В такой системе «производители» всегда готовы предложить свой товар «потребителям», но они никогда не позволяют последним вмешиваться в свое «цеховое производство». *«Учительские профсоюзы готовы, кажется, пойти на что угодно, лишь бы не допускать родителей в классные комнаты. Однако равно как проблемы здоровья не могут быть решены без участия пациента, так и образовательные проблемы требуют участия родителей»*. Типичный аргумент “производителей”, адресованный тем, кто, по их мысли, должен просто пассивно потреблять их услуги, гласит “Но ведь вы не специалисты!” Тоффлер говорит, что этот аргумент, хоть и привычен, но абсолютно не состоятелен: “Люди не обязаны быть экспертами для того, чтобы знать, чего они хотят”.

Введенное Тоффлером оригинальное понятие “потребителя” (“производителя для себя”, “просьюмера”), радикально трансформирует ныне весь экономический и социальный оборот. В частности, в образовании все сильнее слышен голос родителей, все меньше – слава Богу! – мера отчуждения родителей от школы, равно как и растет участие старшеклассников и студентов в запросах на выбор индивидуальной образовательной траектории и программы. “Вопрос не в том, какое образование они мне дали, но какое образование я, с их помощью, приобрел”. Единый и предзаданный для всех стандарт остается, но он сохраняет за собой все меньше места в общем объеме образования, высвобождая все больше пространства для самых разных модульных и системных курсов по выбору.

«Дети Первой волны, начиная с первого проблеска сознания, видели своих родителей на работе. А дети Второй волны были изолированы в школах и отделены от настоящей рабочей жизни. Сегодня подавляющее большинство из них имеет самые туманные понятия о том, что делают их родители на службе. Дети полностью отлучены от наиболее значимой части жизни своих родителей. Кроме того сегодняшняя молодежь полностью отчуждена от жизни в результате закрепления за ней принципиально непродуцирующей, ирреальной роли, причем в период бесконечно растягивающегося взросления. Эта проблема несет за собой юношескую преступность, насилие и психологическое измельчание. И она не может быть решена в рамках Второй волны, кроме как тоталитарными методами, например массовым призывом молодых людей на военную службу».

Безнадежно и быстро устаревают то содержание образования, которое мы тянем по инерции Второй Волны (в России – со времен сталинской индустриализации, инженеризации и, далее, брежневского упоения от военно-промышленного комплекса). *«Любой, кто считает современные школьные программы разумными, пусть объяснит эту разумность 14-летнему подростку... Разделение современных программ на герметично замкнутые многочисленные разделы-предметы не основано на какой-либо продуманной концепции нужд современного человека. Еще менее оно основано на каком-либо видении будущего, понимании того, какие знания и навыки потребуются Джонни, чтобы выжить и достойно жить в эпицентре изменений. Оно основано на инерции и кровавом столкновении академических гильдий, неустанно борющихся за бюджет и статус... Все это стандартизирует среднюю школу. Молодежь не получает нужной информации. Программы школ обусловлены жесткими входными требованиями колледжа (у нас – вуза, А.П.), которые отражают требования исчезающего общества».*

Основные реалии, определяющие код индустриальной эпохи – Стандартизация. Специализация. Синхронизация. Концентрация. Максимизация. Централизация. Отчуждение – понятным образом напечатлелись и на школе этой эпохи. Вполне естественно. Не совсем, однако, естественно то, что хотя в “большой жизни” эти вещи уже уступают напору Третьей Волны, школа пока что пребывает почти неколебимым оплотом и реликтом индустриалистской парадигмы двухсотлетней давности. Что ж, альтернатива ясна – либо школа успеет поторопиться сама, либо ее так поторопят, что она уже никуда не успеет. Дискуссии по более мелким проблемам, как сказал бы Тоффлер, напоминают споры пассажиров о том, какое кресло кому занять на палубе тонущего “Титаника”.

Заключение. О "гражданской религии"¹³

Обладает ли – или может ли обладать – либеральное общество собственным духовным содержанием? В той версии либерализма, которая уже несколько лет культивируется в российской социальной идеологии и практике, ответ на этот вопрос дается, по сути, отрицательный. Либеральное общество рассматривается чисто формально, в том плане, что оно задает форму для пресловутых «равных правил игры», будь то для субъектов хозяйственной или духовной деятельности.

Когда некоторые идеологи либерализма (повторяю – наши, российские) говорят, что к духовной жизни и чувствам бабушки Маши или дядюшки Абрама надо, разумеется, относиться с уважением, то в этом чувствуется, во-первых, нечто присущее отношению гуманистически ориентированного психиатра к больным средней тяжести, а во-вторых – собственная пустота и поверхностность подобных идеологов и подобной идеологии. И тогда маятник социального мышления (с позволения сказать) шархается в другую крайность: идейный вакуум и политическая нужда заставляют социальных идеологов формулировать чуть ли не византийско-теократические тезисы, все руководство дружно отстаивает со свечками праздничные литургии, да в ГД РФ вносятся законопроекты в духе уваровской триады «православие-самодержавие-народность», суть которых сводится к тому, что в правовом государстве все религии, конечно, равны, но у нас, однако, некоторые равнее.

Вопрос, поставленный в начале данной заметки, нет смысла обсуждать псевдогегелевским «всеобще-абстрактным» способом, то есть в духе московской кухни брежневских времен. Лучше находить и понимать то конкретное, что уже выработала история и различные общества. Двигаясь в русле именно такой конкретной и, в то же время, глубокой культурно-социологической работы, Роберт Белла 30 лет назад опубликовал свою знаменитую статью «Гражданская религия в Америке», которая вбросила в активный научный и политический оборот интереснейшее понятие *гражданской религии*.

Роберт Нилли Белла (R.N.Bella, род. 1927) является профессором социологии и сравнительных исследований Калифорнийского ун-та (г.Беркли). В 1958 г. опубликовал книгу "Привычки сердца", где пока еще не использовалось понятие гражданской религии (тогда Белла, вероятно, подступал к нему, говоря о связи "библейской" и "республиканской" традиций). В 60-е годы занимался изучением и социологическим анализом восточных религий. Затем разработал так называемую "эволюционную теорию религии" и концепцию гражданской религии.

¹³ Написано в связи с тридцатилетием выхода знаменитой статьи Роберта Беллы в ж-ле "Daedalus" <USA>, 1967. Опубликовано в ж-ле «Открытая политика», 1997, № 7-8.

По мнению Беллы и его сотрудников-социологов, ведущих постоянные полевые исследования, религия есть одна из сил общественной жизни США, от той или иной эволюции которой в огромной степени зависит жизнь и развитие американского общества в целом. В 1989 г. выпустил книгу "Хорошее общество", в которой продолжает свою основную проблематику. Работы Беллы уже несколько десятилетий пользуются огромным интересом со стороны социологов, теологов и политологов, а также широкого культурного читателя.

Вот некоторые простые и весомые факты. На долларовой американской купюре написано: "В Бога мы веруем" (In God we trust). На государственной печати США выбито: "Бог благословляет наши начинания". В формуле президентской присяги об американском народе говорится: "Народ под Богом". При этом США являются одной из первых стран, где был провозглашен и осуществлен принцип отделения церкви от государства, практически 200 лет тому назад. И ни в одной из вышеприведенных формул не подразумевается однозначно Иисус или Иегова, Будда или Аллах. Это самоочевидно для любого минимально культурного американца. Хотя большинство из них причисляют себя к той или иной традиционной конфессии, но это не мешает практически всем осознанно находиться в некоем пространстве общей гражданской религии. Выход человека из этого пространства в США практически равносителен выходу за рамки общества.

Заметим в скобках, что само понятие и реальность принадлежности американца к традиционной конфессии весьма отличаются от вариантов боярыни Морозовой, местечкового ортодоксального иудаизма Хацапетовки втор. пол. XIX в. или зеленых знамен аятоллы Хомейни и Салмана Радуева. Согласно опросам института Гэллага еще в конце 70-х – начале 80-х годов нашего века, 80% (!) американцев считали, что «человек приходит к своим религиозным убеждениям независимо от церквей и синагог». Белла говорит, что с традиционной точки зрения это может показаться странным, ибо почему-то считается, что именно в церквях и синагогах человек приобретает религиозные убеждения, но в современной жизни это не так – его социологические исследования подтверждают практически те же проценты. Однако действительность гражданской религии – как реальной духовной подосновы либерального общества и современного правового государства – касается не только и не столько новой интерпретации тех или иных традиционалистских религиозных понятий и институций, сколько чрезвычайно значимого самостоятельного духовно-социального феномена.

Белла не изобретал первым понятие гражданской религии, он взял его из знаменитого "Общественного договора" Руссо (1762). Восьмая глава этого трактата называется "Гражданское исповедание веры: почему государству важно, чтобы каждый гражданин имел религию?", где Жан-Жак писал о необходимости единения граждан государства посредством общей религиозной идеи, однако ни в коем случае не равнозначной христианству. Вот изложение несколько заключительных суждений Руссо из этой главы:

Право над подданными, данное суверену, правителю, общественным договором, не переходит границы общественной пользы. Подданные обязаны давать отчет суверену о своих мнениях лишь постольку, поскольку эти мнения важны для общества. Государству важно, чтобы каждый гражданин имел ту или иную религию, которая вызвала бы в нем приверженность к своим общественным обязанностям, но догматы этой религии интересуют государство и его членов лишь в одном смысле, а именно: в какой мере эти догматы человека, который их придерживается, относятся к его обязанностям по отношению к другим людям. В остальном каждый может иметь мнения, какие ему угодно, и правитель не имеет права о них справляться, ибо его полномочия не распространяются на загробный мир и судьбы подданных в будущей жизни суть не его дело; пусть лишь они будут хорошими гражданами в течение земной жизни.

Существует, таким образом, чисто гражданское исповедание веры, параграфы которого, с одной стороны, вправе определять суверен -- на общем основании своих прав, данных ему общественным договором. Но здесь речь идет не о религиозных догматах в собственном, "традиционно конфессиональном" смысле, но о том чувстве общности, без которого невозможно быть ни хорошим гражданином, ни верным подданным. (Здесь Руссо дает Примечание: Еще Цезарь в своей защитительной речи за Катилину аргументировал посредством попытки установления догмата о смертности души. Чтобы его опровергнуть, Катон и Цицерон не стали забавляться философскими рассуждениями; им было достаточно ограничиться указанием на то, что речи Цезаря недостойны хорошего гражданина и что он пытается «протащить» нечто, губительное для государства, ибо сенат должен принимать юридическое решение, а не выносить вердикты по богословским спорам).

Догматы гражданской религии должны быть просты, немногочисленны, формулированы точно, без разъяснений и комментариев. Существование Божества могущественного, разумного, благодетельного, предусмотрительного и заботливого; будущая жизнь, счастье праведных, наказание злых, святость общественного договора и законов -- вот догматы положительные. Что касается отрицательных догматов, то я ограничился бы указанием лишь одного -- это запрет на нетерпимость; ее довольно в тех религиях (конфессиональных), которые мы исключили. Теперь когда нет и не может быть исключительно национальной религии (т.е. традиционной конфессиональной в качестве всеобщей), следует терпимо относиться ко всем тем, которые сами терпят других, поскольку их догматы не имеют ничего противного долгу гражданина. Но кто смеет говорить "Вне церкви нет спасения" -- тот должен быть изгнан из государства, если только государство -- не церковь, а государь -- не первосвященник. Такой догмат хорош только в теократическом правлении, во всяком другом он пагубен.

На протяжении почти двухсот лет понятие гражданской религии было малоизвестным и малопопулярным. Александр Герцен, к примеру (даже он!), весьма уничижительно отзывался о нем в своей полемике с государственной философией Бориса Чичерина, который пытался обосновать необходимость гармоничного сочетания гражданских добродетелей и религиозных чувств. Однако это касается именно понятия, а не социальной реальности. Когда Р.Белла опубликовал свою статью, то "вдруг" выяснилось, что он предложил точное слово для уже давно известных и важных вещей. И гражданская религия, опять же "вдруг", явно обнаружилась не только в США, но в Японии, и в ЮАР, и в Израиле и т.д.

Белла писал, что один из наиболее ярких примеров отношения к гражданской религии – это инаугурационная речь Джона Кеннеди 1961 года. В ее начале Кеннеди приносит клятву Всемогущему Богу и связывает это с народом США, который 175 лет назад стал "Новым Иерусалимом" и "последней надеждой Бога на земле". В концовке речи президент сказал: "Чистая совесть -- наша единственная верная награда, а история -- высший судья наших деяний. И мы будем вести страну, которую мы любим, испрашивая Божье благословение и Божью помощь, но зная, что здесь, на земле, Божье дело должно быть поистине нашим делом". Белла тонко подмечает, что при этом Кеннеди несколько не подчеркивал, но наоборот скрывал свою личную конфессиональную принадлежность к католической церкви. Любой его предшественник и последователь на этом посту и не мог поступать иначе. Церковь ведь (та или иная конфессия) отделена от государства. Заметим, что у президента были – для подобной позиции – могучие предшественники, создававшие значимые прецеденты. Томас Джефферсон говорил: «Я сам себе церковь»; Томас Пейн высказывался аналогично: «Мой разум и есть моя церковь». Для американского президента, находящегося в контексте гражданской религии (не как частного лица, повторяем), здесь не должно и просто не может иметь значения конфессиональное различие между Джоном и двумя Томасами.

В политической истории Америки до XIX века гражданская религия концентрировалась прежде всего вокруг событий революции. Из старой «Земли египетской» состоялся Исход -- через бурные воды Атлантики -- к новым землям, где возникло новое Священное Писание гражданской религии (Декларация независимости и Конституция); новый же Моисей (Вашингтон) вывел свой народ из пут рабства. В годы испытаний (гражданская война 60-х годов XIX в.) возникла тема общественного прегрешения и покаяния, причем последнее, как было установлено и принято, только и может восстановить жизненную перспективу. Это сформулировал Линкольн: Рабство -- испытание для Америки, и та кровь, что уже пролилась и еще прольется, -- искупление за ее грехи перед рабами. Не отбросить рабство в душах наших и жизни нашей должны мы, но покаяться в нем в наших душах, и искупить его в жизни (вторая инаугурационная речь).

Огромная развитая система американской благотворительности, бесчисленных фондов и т.п. связана с импульсами религиозного понимания позитивных социальных инициатив, искупления – в меру возможного, разумеется – грехов социального неравенства и косвенного угнетения сограждан. Чрезвычайно важна роль давно уже и ненавязчиво институционализированных символов гражданской религии, которые даже трудно отличить от символов собственно демократии. И президент во время важнейшей речи в сенате, и школьник самой захолустной школы на линейке, – оба одинаково кладут правую руку на сердце, поднимая взор ко флагу.

... Многие подумают, что после всего вышесказанного было бы здорово что-то написать на тему "А что тогда у нас, в России?" Я все же, ограничившись вышеизложенным, оставляю пока что размышления на эту благодатную тему читателю. Отмечу лишь одно: ясно видно, что неурейства наши и дикости суть не только экономические или политические, но, в первую очередь, интеллектуальные и гуманитарные. У нас не хватает не столько денег и технологий, у нас не хватает даже слов и понятий, чтобы хоть как-то осмыслить сегодняшнюю и завтра грядущую реальность.

Хотелось бы надеяться, что эти слова и понятия все же будут находиться. Хотелось бы: ибо базировать размышления о современной социальной жизни и политике на понятиях Гегеля и Федотова, Богданова и Бердяева -- не менее "нещерно", чем еще не позабытая практика возведений всякой культур-социологической и образовательной аналитики ко 2-му изданию К.М. и Ф.Э. Да еще хотелось бы дожидаться, чтобы кто-либо из наших влиятельных общественных деятелей сумел бы просто произнести слова, подобные тем, что звучали в великой речи Мартина Лютера Кинга «Есть у меня мечта» (ср. Исаия 40, 4), и в которых ясно звучит рокот Третьей Волны, Эпохи Духа и Мэйнстрима: «Придет день, когда мы раскачаем колокол свободы, и он тогда зазвонит, и его звон будет слышен из каждой деревни, и из каждого города, и из каждого штата, и тогда все дети Господа, черные и белые, евреи и христиане, протестанты и католики, смогут взяться за руки и пропеть слова из старых негритянских спиричуэлс: 'Свободны! Свободны! Мы теперь свободны! Благодаренье Всемогущему, мы наконец свободны!'»